

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВ ВЕРБАЛЬНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ НИВЕЛИРОВАНИЯ

Лавицкий А.А.,

*заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала «Международный университет “МИТСО”»,
кандидат филологических наук, доцент*

В последнее десятилетие в отечественной правоприменительной практике особую значимость приобрели вербальные правонарушения – законодательно идентифицируемые противоправные деяния, которые реализуются в речевой деятельности и обнаруживаются в ее содержании (в тексте). Такие правонарушения не формализованы как отдельный классификационный вид, однако их актуальность для следствия и судебного процесса не вызывает сомнений. Так, если ранее вербальные правонарушения, как правило, ассоциировались с оскорблением, клеветой и угрозой, то сегодня, как показывает криминалистическая практика, «языковой след» чаще всего имеют преступления против мира, безопасности человечества, государства и порядка осуществления власти и управления. В первую очередь речь идет о действиях, правовая квалификация которых определяется такими понятиями, как *призыв, разжигание вражды / розни, дискредитация государства* и др. Также наблюдается интерес к изучению вербальных правонарушений в рамках гражданского судопроизводства по делам, сопряженным с защитой чести, достоинства и деловой репутации. В доминирующем количестве случаев такой противоправный контент имеет цифровую форму и распространяется посредством технологических средств предоставления удаленного доступа. В этой связи актуализируется цель настоящего исследования – аналитически изучить отдельные проблемные аспекты криминалистической идентификации признаков вербальных правонарушений и представить пути их нивелирования.

В отличие от начала 2000-х годов, когда специалисты отмечали, что «<...> исследования в области лингвистической экспертизы сразу выявили то, что теоретическая лингвистика не готова решать конкретные исследовательские задачи» [4, с. 15], современная криминалистика смогла преодолеть критические научно-методические вызовы и прочно закрепиться в системе судебно-экспертных исследований. Несмотря на это, в отечественной лингво-экспертологии остается еще ряд нерешенных проблем, имеющих системный характер. Функционально их можно систематизировать на 1) *организационно-тактические*, 2) *терминологические*, 3) *методологические*.

1. *Организационно-тактические проблемы* обусловлены отдельными процессуальными аспектами назначения и производства экспертизы текста и касаются всех видов специальных криминалистических исследований.

Дело в том, что в национальной правовой системе законодательно закреплено два лингвокриминалистических института: 1) институт судебной лингвистической экспертизы и 2) институт лингвистической экспертизы. Формально об этом свидетельствуют ст. 230 и 231 УПК. Первый относится в лицензируемым видам деятельности и регулируется Законом Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» (в редакции от 17 июля 2023 г. № 300-3). Субъектами института лингвистической экспертизы являются лица, не имеющие специальной криминалистической квалификации, но обладающие знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности. В следственной и судебной практике понятия экспертизы и судебной экспертизы используются как синонимичные: при назначении экспертного исследования диспозиции норм УПК (ст. 226), ПИК_оАП (ст. 11.12.) и КГС (ст. 218) не дифференцируют рассматриваемые понятия.

Такая легитимизация лингвокриминалистической практики имеет отдельные недостатки. Во-первых, при сравнении нормативно-правовых актов очевидно отсутствие корреляции между понятиями *судебный эксперт* и *эксперт* (хотя формально оба лица отличаются только тем, что первый имеет специальное разрешение на проведение специальных исследований): согласно Закону «О судебно-экспертной деятельности» судебный эксперт – это лицо, которое «проводит судебную экспертизу объективно в пределах своей компетенции, всесторонне и в полном объеме с применением допустимых и достоверных методов» (п. 1 ст. 9); в соответствии с УПК (ст. 61) и ПИК_оАП (ст. 4.7.) эксперт – это не заинтересованное в исходе уголовного дела (административного правонарушения) лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено проведение экспертизы. Разумеется, что фактически оба понятия юридически должны трактоваться идентично с тем лишь отличием, что судебный эксперт имеет лицензию или работает в организации, имеющей специальное разрешение.

Во-вторых, белорусское административное и уголовное законодательство зачастую не ограничивает процессуальные формы деятельности судебного эксперта и эксперта от работы специалиста (в соответствии со ст. 62 УПК, ст. 4.8. ПИК_оАП специалистом является «не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий»). Только в ст. 88 КГС указывается, что формой участия специалиста в судебном процессе является *консультация*.

2. *Терминологические проблемы* лингвоэкспертной деятельности обусловлены спецификой правового дискурса в части необходимости использовать в профессиональной коммуникации легальных дефиниций – определения понятий, зафиксированных в нормативных правовых актах.

Однако в национальном праве далеко не все понятия, имеющие концептуальную значимость для специального исследования конфликтогенного текста, зафиксированы на законодательном уровне или имеют негодные трактовки. В качестве примера приведем такую категорию, как *дискредитация*, квалифицирующую состав преступлений, предусмотренных ст. 369¹ УК Беларуси (Дискредитация Республики Беларусь). В содержании указанной уголовной статьи, а также в эталонном определении, размещенном на национальном правовом Интернет-портале (pravo.by), имеется дефиниция, где дискредитация понимается через причастие *дискредитирующий*: «распространение заведомо ложных сведений <...>, дискредитирующих Республику Беларусь <...>».

Обращаясь к экспертной практике по делам, сопряженным с совершением преступления, предусмотренного ст. 369¹ УК Беларуси, приведем пример вопроса, поставленного на разрешение эксперту: *Имеется ли в представленных видеозаписях сведения, <...>, негативно характеризующие политическое, экономическое и международное положение Республики Беларусь <...>?* Сравним с вопросом, на который обычно требуется ответить эксперту в рамках установления признаков распространения ложной информации: *Содержится ли в представленной публикации информация, негативно характеризующая личность <X>, или сведения о нарушении им закона?* Обе формулировки синонимизируют понятия дискредитации и клеветы, хотя, очевидно, что это не так. Общелингвистическое определение глагола *порочить* можно представить, как ‘распространить предосудительные сведения о ком-, чем-л., выставлять в неблагоприятном свете, чернить, позорить’. *Дискредитацию* же следует понимать, как ‘подорвать доверие и умалить авторитет’, то есть указать, что кто-то или что-то не справляется со своими задачами, с решением возложенных на него обязанностей, не пользуется уважением и авторитетом: *Райисполкомы давно не могут решить проблемы своих регионов с подготовкой к посевной и игнорируют все решения Правительства*. Клевета же – понятие более широкое (можно даже согласиться с тем, что дискредитация – это частный случай опорочивания, то есть клеветы). Лингвистическими маркерами клеветы являются любые атрибутивные конструкции с негативной семантикой: *Райисполкомы врут, рапортуя о готовности своих регионов к посевной*.

Решение проблем терминологического характера в сфере лингвоэкспертной деятельности видится в юридикации понятий, не получивших законодательно зафиксированных трактовок, а также в нивелировании неточностей в уже нормативно закрепленных определениях.

3. *Методические проблемы* криминалистической идентификации признаков вербальных правонарушений чаще всего актуализируют в приезде прикладного статуса лингвоэкспертной деятельности. Чаще всего субъектов правового процесса занимают вопросы методов и методик специального исследования конфликтогенного текста, источников интерпретаций

его содержания. Все это чаще всего является предметом рассмотрения при попытках признания результатов экспертного исследования никчемными.

Современные исследователи практически единодушны во мнении о том, что «реальная практика лингвистической экспертизы показывает чрезвычайно богатую палитру методов и отчасти связанных с ними методик, которые используют в своих исследованиях лингвисты-эксперты» [1, с. 119]. При этом консервативно настроенные ученые говорят о «чрезмерном расширении» методологического инструментария судебной лингвистической экспертологии, утверждая, что здесь «царит явный количественный и качественный хаос» [2, с. 120]. Отсутствуют единые нормативные требования, а также общие научно-методические подходы ученых к выбору словарей – важнейшему источнику интерпретации семантического значения отдельных языковых единиц и всего конфликтного текста. Предпринимаемые специалистами попытки нормализации вопросов уточнения перечня лексикографических источников пока не дают требуемого результата, в первую очередь из-за отсутствия обоснованной системы критериев оценки годности словаря для лингвоэкспертной практики. Такое положение дел привело к появлению такого понятия, как ангажированная экспертиза.

Также наблюдается недостаток в методиках специального исследования конфликтного текста. Так, в «Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности» внесено только 6 комплексных методик, из которых 2 подготовлены в России. Особенно остро потребность в исследовательских методиках наблюдается в отношении поликодовых текстов. Чаще всего это негативно сказывается на правоприменительной практике. Так, на одном из совещаний межведомственной рабочей группы по взаимодействию представители МВД отмечали, что из-за отсутствия утвержденных экспертных методик только в 10% случаев ведомство возбуждало уголовные дела, сопряженные с совершением преступлений экстремистской направленности. В это же время по результатам экспертиз, порученных внеэкспертным организациям, этот показатель составлял около 70%. Таким образом, очевидной является необходимость интенсификации научно-исследовательской и научно-методической деятельности в сфере расширения методологического обеспечения лингвоэкспертной работы.

Таким образом, современная лингвистическая экспертология, несмотря на свой статус официально оформленной подотрасли лингвоправовых исследований, сталкивается с различными проблемами организационно-тактического, терминологического и методологического характера. Первые связаны с нерешенными вопросами нормативно-правового статуса и процессуальными формами работы судебного эксперта, эксперта, специалиста. Терминологические вопросы обусловлены необходимостью юридизации отдельных понятий, в также нормализации

трактовок отдельных категорий, имеющих концептуальное значение для квалификации состава правонарушения. На методологическом уровне проблемными в лингвокриминалистической деятельности являются нехватка экспертных методик, отсутствие унифицированных подходов к перечню лексикографических источников и методов проведения специального исследования конфликтного текста.

Список использованных источников:

1. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев; под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
2. Кукушкина, О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе / О.В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1 (41). – С 118-126.

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ
ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ В РЕЖИМЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ.
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СТ. 189.1 УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Мельник С.Л.,

*заведующий кафедрой организации судебной и прокурорской деятельности
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент*

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства является закономерным этапом развития правовой системы в условиях глобальной информатизации. Принятие Федерального закона от 30.12.2021 № 501-ФЗ, дополнившего Уголовно-процессуальный кодекс РФ статьей 189.1, ознаменовало переход от исключительного использования видеоконференцсвязи (ВКС) в судебных стадиях к её активному внедрению в досудебное производство.

Несмотря на очевидные преимущества дистанционного формата - оптимизацию временных затрат, экономию бюджетных средств и возможность проведения следственных действий с участниками, находящимися в разных регионах, - практика реализации данных норм сталкивается с серьезными вызовами. Наиболее дискуссионным представляется проведение дистанционного предъявления для опознания. Данное следственное действие по своей природе опирается на непосредственность чувственного восприятия и психологические механизмы узнавания, которые в цифровой среде подвергаются существенным искажениям.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между технологическим прогрессом и сохранением фундаментальных процессуальных гарантий достоверности